

Университеты «Московского Комсомольца»

«Я не знал, что этот день изменит мою жизнь навсегда! Конечно, я догадывался, что, если мне повезет, стану на шаг ближе к своей мечте. Но поверить в то, что меня, молодого человека, еще школьника, возьмут в редакцию самой известной московской газеты –

«Московский комсомолец»!..»

Сегодня 27 сентября 2019 г. отмечает день свой рождения президент «Трансконтинентальной МедиаКомпании» Александр Митрошенков.

На страницах газеты Московский комсомолец он делится воспоминаниями о начале карьеры журналиста

Первый день

Поверить в это было невозможно.

Я долго думал, что мне надеть. И решил, что этот день заслуживает главного – моего костюма. И вот, при параде, я еду на метро, остановка «Улица 1905 года», выхожу к новому красивому белоснежному зданию, куда недавно переехала газета «Московский комсомолец». Получаю пропуск, поднимаюсь на 3-й этаж, захожу в святая святых – приемную главного редактора. Мимо бегают какие-то люди, они все чем-то заняты. Я чувствую пульс жизни, бьющийся в редакции.

Наконец меня приглашают. Открывается дверь... Длинный кабинет... за столом сидит маленький-маленький человек – Евгений Аверин. Он поднимает на меня голубые глаза, долго внимательно смотрит. – Вот ты какой, Александр Митрошенков! Ну, не совсем похож на своего отца. Он у тебя летчик, военный, выправка... Но ладно, давай! Что ты хочешь делать?

Я робко сказал:

– Буду писать, – и тут же сразу добавил: – Для газеты.

Он усмехнулся:

– Ты знаешь, ко мне в этот кабинет каждый день приходит человек 50, и все говорят, что они хотят писать... Ну, впрочем, давай сделаем так: я позову опытного журналиста – Юрия Филинова, и он с тобой поработает. Может, у вас что-то даже и выйдет!

Я хотел сказать: «Может быть, не надо звать журналиста Юрия Филинова. Я сам что-нибудь сделаю!» Но уже было поздно... Он нажал кнопку селектора. Через пять минут ворвался энергичный человек без возраста: ему было, может быть, 30, а может быть, 50. Он был худощавый, с бородкой:

– Да, Евгений Сергеевич!

Тот посмотрел на него:

– Вот... познакомься. Начинающий журналист Александр Митрошенков. Возьми его к себе.

Лицо Филинова исказилось от боли, словно он услышал самое страшное известие. Но вздохнул:

– Хорошо! Идем, Александр Митрошенков...

И я поплелся за ним.

Я понимал, что разговор у нас будет тяжелым. Впрочем, оказалось не так. Филинов привел меня в отдел информации, где сам работал. Попутно рассказал мне, что он ведущий самой культовой рубрики газеты – «Звуковая дорожка». Что у него весь день расписан: сейчас у него была встреча с Софией Ротару, дальше он должен пулей лететь, чтобы переговорить с Мирей Матье. Поэтому на меня нет времени. Спасение утопающих – дело рук самих утопающих! Он бросил передо мною огромный альбом и сказал:

– Это подшивка газеты! У тебя простая задача: посмотри и найди

хотя бы одну тему, о которой еще не писали. Вот это будет твое задание.

Я подумал: «Слава богу, это легко» – и сел за работу. Прошел час... Потом второй...

Сначала мне казалось, что самое интересное – написать про то, как меняют флаг страны на Останкинской башне. Но ровно через две страницы газеты я нашел статью о том, как меняют флаги на Останкинской башне. Потом мне показалось, что будет интересно, как собирают яд у змей в серпентарии. Но опять легко нашелся материал и об этом. Я приуныл... Затем у меня родилась идея рассказать про пожарных – как тушили какой-то известный пожар. Но в газете каждую неделю появлялся зубодробительный материал о пожарных, который писал Алексей Бархатов. Я сделал вывод, что либо сам пожарный пишет эти материалы, либо это корреспондент «Московского комсомольца», который практически стал огнеборцем. Чем больше я смотрел газеты, тем дальше падало настроение. Было написано обо всем...

Вечерело... Часам к шести вернулся Филинов. Увидев мое сосредоточенное лицо, заулыбался:

– Ну что? Придумал хотя бы одну тему?..

Я протянул ему бумажку, на которой было написано пять тем. Он с удивлением ее взял, посмотрел на меня:

– А вообще-то ты первый, кто придумал хотя бы одну. Ну что? Начнем с первой?

Я сказал:

– Есть!

В этот момент я бросился... Нет! Я просто полетел...

Дело в том, что в Подмосковье есть поселок Монино. Там уникальный авиационный музей под открытым небом, стоят настоящие самолеты: Ту-144, военный сверхзвуковой М-50... Чего там только нет! И, конечно, там стоят аэропланы, которые снимались в знаменитых фильмах. Например, в «Неуловимых мстителях» в первых кадрах фильма летит старая этажерка Farman

с донесением до белых... Я поспешил в музей и, конечно, просто кайфовал. Я писал, будто лечу на этом Farman, сажусь в эти знаменитые сверхзвуковые самолеты... Они большие, настоящие... В общем, творил! Мне казалось, что у меня получается...

К моему удивлению, статью (я принес ее рано утром на следующий день) сразу поставили в номер. Я даже не понял, что произошло... Все получилось! Статья в газете!

Я решил зайти в редакцию, взять несколько экземпляров. Выхожу из метро и вижу стенды с газетами (на тот момент они были по всей Москве). Но почему-то в каждом «Московском комсомольце» вырезана середина. Именно там, где должна была быть моя статья. Смотрю другие стенды. И снова вырезано... Тут я уже осознал: моя статья стала знаменитой! Ее вырезали! Причем на всех стендах, которые стояли во всех парках, бульварах, на всех улицах города...

Я входил в редакцию как настоящий победитель! Вот так бывает... Приходишь, пишешь первую статью – и все зачитываются. С гордым видом открыл ногой дверь в отдел информации, зашел. За столом сидел Юрий Филинов и что-то писал. Он увидел меня.

Я не вытерпел:

– Юрий, вы знаете, мою статью вырезали из всех газет на стендах!

Юрий улыбнулся и спросил:

– А ты сам газету смотрел? Листал?

– Да, – ответил я.

– А ты видел, что находится с обратной стороны твоего репортажа?

– Какая разница?!

– А ты посмотри!

С обратной стороны был кроссворд. Он был ровно на том же

месте, что и моя статья. Стало понятно, все вырезали кроссворд, а не мой репортаж! У меня навернулись слезы...

Юра потрепал меня по плечу:

– Для начала – все очень неплохо!

Через три года у меня вышла первая книжка – приложение к журналу «Огонек», тиражом 500 тысяч экземпляров. Меня приняли в Союз журналистов СССР. Вручая удостоверение, сказали: «Мы вас поздравляем! Вы самый молодой журналист в СССР». Это была школа, точнее, университет «Московского комсомольца».

День второй

Я сразу почувствовал: что-то случилось. Отец вошел в свой кабинет и закрыл дверь, которую никогда не закрывал. Я тронул его за плечо: «Не разрешили?..»

Больше пяти лет он занимался своим главным проектом – хроникой жизни Юрия Гагарина. Ему удалось восстановить все мельчайшие подробности этой фантастической судьбы. Когда наконец он написал последнюю страницу романа-хроники, начались его мучения – цензура бескомпромиссно вычеркивала все: кто на самом деле входил в первый отряд космонавтов, почему у Гагарина шрам над бровью, но самое главное – жестко убирала подробности гибели Гагарина.

Отсутствие информации породило массу слухов: почему погиб Гагарин, зачем он сел за штурвал самолета... Книга без купюр отвечала на все вопросы, и ее не давали издать. У отца было ощущение: он зря прожил последние пять лет – главное дело его жизни так и не увидит свет...

Вот что он писал.

* * *

«27 марта 1968 года Гагарин проснулся рано. 6 часов 10 минут. Встал, подошел к окну. Минуту смотрел на городок, серо-дымчатый, в пепельных разводах. Услышав шаги, торопливо лег в

кровать, закрыл глаза. В комнату осторожно вошла Лена:
– Я знаю, что ты не спишь, папа.

Юрий Алексеевич засмеялся.

В 7 часов 40 минут он вышел на лестничную площадку, подошел к лифту, посмотрел вверх на движущуюся кабину, крикнул: «Остановите, пожалуйста, на шестом!» Просьба Гагарина была уважена. В лифте был подполковник Георгий Добровольский. Они вместе вышли из дома. «Фу ты, черт! Забыл, кажется, пропуск на аэродром», – признался Гагарин, ощупывая карманы. «Ну и что? Вы же едете вместе со всеми. Вас все знают, пропустят». – «Да, знаю, но как-то неудобно. Порядок есть порядок». Гагарин продолжал идти, раздумывая, как поступить. «Нет! Вернусь за пропуском, – твердо заявил он. – Ты иди...» Уже кто-то потом скажет, что это плохая примета, что нельзя было возвращаться...

Время необратимо. В тот день оно стремилось к роковой черте... Автобус остановился у штаба, Юрий Алексеевич направился в раздевалку. В гардеробной облачился в летный костюм, подошел к врачу Игорю Чекирде. «Как себя чувствуете? Как спали, Юрий Алексеевич?» – «Самочувствие отличное, спал как убитый, почти девять часов». Кто-то из космонавтов, проходивших также предполетные обследования, спросил: «Как пульс, Юрий Алексеевич?» Незамедлительно последовал ответ: «Как у молодого». Врач не обнаружил никаких отклонений, допустил Юрия Алексеевича к полетам, пожелал мягкой посадки...

Были уточнены последние детали: погода, навигационная обстановка, позывные запасных аэродромов. Во все вникал не только сам Гагарин, но и командир части, где летали все космонавты, – полковник Владимир Серегин. Именно от него сегодня зависело – получит ли Юрий Гагарин разрешение на дальнейшие самостоятельные полеты. Уже несколько лет он не сидел за штурвалом самолета и понимал: если не вернется в авиацию, то ему закрыт путь и в космос, а он так мечтал о втором полете! У него была одна профессия – космонавт. Ко второму полету готовились и многие его друзья. Но после

гибели Владимира Комарова в 1967 году в Политбюро было принято решение – сохранить жизнь первого космонавта как символ исторической победы СССР, и Гагарина сняли с подготовки. Он боролся, убеждал. Ему сказали: ну ладно, может быть, удастся отменить запрет на профессию, но сначала пусть вновь станет профессиональным летчиком. Надеялись, Гагарин отступит: ему – загруженному представительскими командировками, бесконечными сидениями в президиумах – будет не до этого. Но Гагарин, как молодой курсант, упрямо ходил в классы, занимался на тренажерах.

И вот наступил этот день... После контрольного полета, который вместе с Юрием Гагариным поручено сделать Владимиру Серегину, космонавт №1 полетел бы на истребителе самостоятельно.

Гагарин по стремянке поднялся в кабину учебно-тренировочного истребителя «МиГ-15» с бортовым номером 18, во вторую кабину поднялся Владимир Серегин. Техник проверил парашютные ремни, замки катапультного кресла, включил бортовое электропитание. Гагарин запустил двигатель.

* * *

...Момент падения самолета №625 остался в истории со слов очевидца происшедшего – жителя совхоза Новоселово, уважаемого на селе человека, в прошлом учителя, Николая Ивановича Шальнова, который в то холодное утро вышел прогуляться. Сначала он услышал едва уловимый гул самолета высоко в небе, за облаками. Звук, однако, приближался, становился густым, сильным. В следующую секунду он уже был совсем близко над деревней. Учитель увидел, как из облаков на огромной скорости с ревом выскочил самолет и, покачивая крыльями, как по наклонной горке, пошел к земле. Стало очевидно, что с ним что-то произошло и через несколько секунд может случиться страшное... Вдруг на некоторое время самолет вроде обрел прочность, даже поднял нос, стремясь уйти в небо. Но, видимо, не хватило сил. Самолет промелькнул почти над домом Шальнова и, подобно урагану, со свистом и диким ревом, ломая верхушки берез, врезался в близлежащий лес. В кабинет директора совхоза

сбегались люди, обеспокоенные близким взрывом. «Срочно направить к месту падения трактор! Соедините меня с Москвой! Вызов экстренный!..»

Руководителю подготовки космонавтов Николаю Петровичу Каманину в девять часов тридцать две минуты доложили: потеряна связь с самолетом Гагарина, пропала отметка самолета на локаторе кругового обзора. Тревожное сообщение не вызвало у опытного летчика истерики – приходилось переживать разные нештатные ситуации. Можно сделать вынужденную посадку или, если жизни летчиков угрожает опасность, катапультироваться. Опытный Владимир Серегин непременно примет правильное решение. Только – какое? Каманин обдумывал различные варианты, сложившиеся в воздухе, но роковой тревоги не ощущал.

С командного пункта доложили: «Полеты временно приостановили. В район зоны ЧП направили два самолета «Ил-14» и четыре вертолета «Ми-4». Пока ничего обнаружить не удалось...» – «Синоптика!» – «В зоне поиска Киржач–Покров–Москва погода соответствует времени года. Полет Гагарина проходил в хорошей зоне видимости. Облачность двухслойная, нижняя кромка 700–900 метров, верхняя – 4800 метров. Видимость под облаками и между слоями, – синоптик сделал паузу и внимательно посмотрел в хмурое лицо генерала Каманина. – Мы прослушали запись разговора экипажа, в нем ни слова о погоде».

Из района поиска непрерывно докладывали о результатах осмотра территории – никаких следов падения самолета не обнаружено. Голос Гагарина не отвечал на запросы. Эфир был полон тревожных звуков. «Разбейте район поиска на квадраты, – распорядился Каманин. – Закрепите за каждым экипажем площадь не более 100 квадратных километров». На командный пункт непрерывно заходили летчики: «Чтобы Серегин катапультировался? Никогда!» – «Если катапультировались, то скоро позвонят из какого-нибудь села. Скорее всего, сели на вынужденную, рация отказала, и ждут, когда их найдут». Напряженность на командном пункте не спадала. Вести, поступившие от групп поиска, не вносили ясности: ни самолет, ни его экипаж не обнаружены.

В 14 часов 50 минут экипаж одного из вертолетов группы поиска обнаружил место падения самолета – село Новоселово Киржачского района.

Руководитель полетов положил перед генералом Каманиным тетрадь учета летного времени. «Самолет взлетел в 10.19, – докладывал он Николаю Петровичу. – Связь с командным пунктом поддерживал непрерывно. Запросил разрешение занять зону. Выполнив простой пилотаж, Гагарин попросил разрешения выйти на курс 320 градусов и следовать на аэродром. Я разрешил. Последний сеанс связи состоялся в 10 часов 30 минут 10 секунд. После этого связь практически была прервана. Радиолокационные станции продолжали вести самолет, и все это не вызывало беспокойства. В 10 часов 43 минуты наблюдение за самолетом прекратилось».

Каманину доложили о готовности вертолета. В воздухе, пристально рассматривая землю, покрытую снегом, он поймал себя на мысли, что подобное происшествие, если оно произошло, уникально по простоте и по весомости потери. Но произошло ли оно?

У деревни Новоселово, куда они прилетели, Каманин распорядился, чтобы пилот сделал круг, – хотел лучше рассмотреть место падения. Теперь генерал отчетливо увидел воронку, срубленные верхушки высокого березняка, искореженные обломки самолета...

По мнению генерала, угол падения самолета составил 60-70 градусов. Кабина, двигатель ушли на глубину шесть-семь метров, воронка заполнилась водой и многое, возможно, очень важное скрыла. Было очевидно, что самолет потерпел катастрофу. Но кто пилотировал его – пока установить не удалось.

По отдельным лоскутам одежды можно было предположить, что пилот погиб. Все найденное аккуратно складывали на брезент. Проведенный медиками анализ дал основание предположить, что это был учебно-тренировочный истребитель МиГ-15 с бортовым

номером 18 и что в последний момент в кабине Серегин был один. Он взял управление самолетом на себя, а Гагарину дал приказ катапультироваться?..

В семь часов утра следующего дня поиск возобновили: осматривали, исследовали, прошупывали каждый сантиметр земли. Всякий предмет, найденный здесь, подвергался тщательному осмотру, сопоставлению, анализу. Летчик-космонавт Андриян Николаев, осмотрев обгоревший планшет, подтвердил его принадлежность Гагарину.

Заключение Николаева было важным, существенным, но оно не подтверждало версии гибели первого космонавта. Осмотр местности продолжался. Около восьми часов, подняв голову вверх, Каманин заметил на самой вершине березы развевающуюся на ветру ткань. После тщательного исследования ее пришли к заключению: ГАГАРИН ПОГИБ!

Почему это произошло?»

* * *

Дальше я не мог читать. Жирный черный фломастер зачеркнул одну строчку, другую – и так многие страницы. На одной из страниц прочел фразу, написанную чьим-то грубым почерком: «Прошу переговорить с Митрошенковым, лично».

Теперь было все понятно. У романа-хроники больше не было окончания. Только черный фломастер.

Я спросил отца: «Что произошло с Гагариным?» – «Мы не могли объявить о новой версии его гибели!» – «Почему?» – «Если помнишь, один из жителей деревни Новоселово рассказывал: было ощущение, что самолет перед самой землей неожиданно перестал падать и словно пытался выйти из пикирования... Есть только одно объяснение, при котором это возможно. Летчики были без сознания! И в последний момент кто-то из них пришел в себя и попытался спасти самолет, старался вывести машину из пике, но не хватило высоты и времени». – «Но почему они потеряли

сознание?» – «Возникли две основные версии. На них указывали все факты.

Первая касалась неисправности в самолете. На этой марке самолета (УТИ МиГ-15) были ненадежные жидкостные аккумуляторы. При некоторых погодных условиях и излишней перегрузке во время полета они взрывались. А так как они находились перед кабиной пилотов, взрыв повреждал герметичность самолета. Представь: сильный взрыв, лопается стекло, и в кабину попадают струи кислоты под давлением. Буквально бьют в лица летчикам. С 1960 по 1968 годы произошло несколько авиакатастроф по этой причине... Беда в том, что эти самолеты поставлялись нами в арабские страны, и десятки тамошних летчиков погибали именно так! А что? – жара, неправильная эксплуатация... Мы, друзья арабского мира, категорически отвергали технический фактор в катастрофах! И тут вдруг гибель космонавта №1, и мы публично признаем: да, наши самолеты ненадежны (а именно по этой схеме происходили аварии в других странах)! Это целый скандал. Политика взяла верх.

Вторая версия тоже оказалась политической. Недалеко от места падения самолета нашли остатки метеорологического шара-зонда. Было похоже, что он столкнулся с «МиГом». Шар-зонд – это небольшой воздушный шар, к которому прикреплены передатчики и приборы. Он поднимается на высоту 10 километров и передает на метеорологическую станцию скорость ветра, температуру, влажность. Дешевый способ предсказывать погоду. Одна проблема: этот шар нельзя запускать над оживленной авиатрассой. Из-за этого уже происходили авиакатастрофы. Многие страны отказались от шаров-зондов. Но не мы. А тут рядом – «Шереметьево», международные авиарейсы... Ты не представляешь, какой бы был скандал! К сожалению, других веских оснований для гибели экипажа не было».

«Неужели это достаточные причины, чтобы исказить правду?» – поинтересовался я у отца. «Так было не только с Гагариным, – ответил он. – Никогда не говорили, как погиб Владимир Комаров, который знал во время последнего этапа полета, что погибнет.

Не рассказывали, как сгорел маршал Митрофан Неделин вместе с сотнями людей на космодроме Байконур (сам не пожелал пойти в укрытие и других не отправил). Мы проиграли гонку в экспедиции на Луну (следующий после Королева главный конструктор отказался от рискованного лунного полета, тогда как его предшественник не побоялся отправить «Восток» с первым космонавтом на орбиту, не надеясь на стопроцентный успех).

Мы лакируем действительность, а американцы честно говорят, с какими трудностями они сталкивались при освоении космоса! Мы отстанем в космической гонке, если не научимся говорить правду! – горячился отец. – Я помню это мартовское Новоселово. Снег, жижа, остатки самолета... Многие плакали. У меня было ощущение, что вместе с Гагариным мы уходим из большого космоса. Сначала – Королев, главный конструктор, потом – Гагарин, главный космонавт...»

И вдруг он добавил: «Неважно, что будет с книгой, со мной. У меня уже тоже был свой «последний полет». – «Не понял?..» – «В конце пятидесятых нас, офицеров, неожиданно по тревоге собрали в штабе части. Приехали какие-то инженеры из закрытого КБ. Мы вместе полетели на специальном военном самолете в Казахстан. Там мы должны были что-то исследовать, находясь в воздухе. То ли анализ газового состава верхних слоев атмосферы, то ли изменения рельефа местности. Тогда испытывали мощное ядерное устройство. Мы прошли рядом, сразу после взрыва... Из этого рейса, наверное, я единственный оставшийся в живых. Остальные умерли от рака». – «Почему ты раньше не говорил об этом?» – «Не хотелось верить в то, что это и моя судьба».

Отец умер в марте 1988 года. Спустя 20 лет после смерти Гагарина... Ему было тогда 55 лет.

И только спустя десять лет «Московский комсомолец» смог напечатать эти подробности о гибели Юрия Гагарина.

Александр Митрошенков